

"Так, товарищ, этот сказ
Буду я вести про нас.
То есть байка будет здесь о том,
Как живёт наш сельский дом,
Что остался среди лесов
От полтысячи дворов.
Где я, старый Домовой,
Повидал беды людской:
Много что потешного,
Грустного и грешного.
Что ни век, ни поколение,
В доме, глядь, столпотворенье...
Ну, да ладно, что томить,
Не пора ли сказ творить.

1

Жизнь в деревне – как и прежде,
Но чем дальше – тем потешней.
А на стыке двух эпох
Наш колхоз совсем издох.
На пригорке, на деревне,
Дом стоит по виду древний –
Как живёт хозяин в нём,
Так и выглядит тот дом.
С незапамятных времён
Мы в нём пятеро живём:
Я, три брата и отец –
Он был пахарь, он был жнец.
Был ударником в колхозе,
На все руки, то есть – спец!
Но, к несчастью для отца,
Жизнь прожившего в Дрянцах, –
Без работы обленился,
Начал пить, и быстро спился.
А сыны, что с ним живут,
Вообще не знают труд.
Но, однако же, бывает,
На собраньях заседают,
Светский там ведут сыр-бор,
То есть важный разговор.

Как-то летом посреди дня

Собралась на сход родня,
Как бывало в косовицу...
На сей раз – чтоб похмелиться.
На деревне ж кайф сплошной,
Что ни день – то выходной!
Собрались робята вместе,
Как всегда, на прежнем месте,
За обеденным столом.
Выпив, речь вели о том:

– Есть ли люди где по весям,
Что живут лет восемь-десять? –
Так выпрашивает Ваня
На печи, придя из бани.
И, кумекая в уме,
Чертит цифры на стене:
"Это, если перемножить...
Будет восемьдесят может".
Он застенчивым был малым,
Задавал вопрос из зала.
По своей дурной натуре
Не тянулся он к трибуне.

– Нам прожить полста бы лет,
А чтоб восемьдесят – нет! –
Усомнился брат Тарас.
– Нет, байки эти не про нас.

– Ты что, умным слишком стал?
Аль с печи башкой упал?..
Я и слыхом не слышал,
Кто-то дольше чтоб живал.
Там, похоже, на печи
Растопили кирпичи
Разум твой, что есть ещё,
Коль завёл ты про житьё. –
Рассмеялся брат Самсон,
И Тарас с ним в унисон.
Оба весело смеются,
Облаками дýмы вьются
Из ноздрей, из ртов, – глаза
Даже ест от них слеза;
Зубы ржавые в щербинах,

Щёки впалые в щетинах,
Просмеяли дурака,
Прячась в клубах табака!

Заседателям всё можно:
Просмеять и пить безбожно.
Пояснения тут, кстати,
За столом кто председатель?
Только тот, кто на разливе –
Первый парень в коллективе.
На собраниях так сложилось,
В ком есть ум, а лучше сила,
Тот и станет Головой, –
Сунься кто-нибудь другой!

И Тарас из снисхожденья
Дураку шлёт приглашенье:
– Ты давай-ка, брат к столу.
Чё сверчком сидеть в углу?
Для тебя, уж так и быть,
Косячок дадим скрутить.
Дёрнешь крепкий табачок,
В раз прочистится умок.

– Мне бы семечек, конфет,
А курить – резону нет.
Дураку ещё табак,
Что я – конченный дурак?

– Ну, какой ты, брат, капризный.
Подь сюды болтать о жизни.

А дурак с печи нейдёт,
Речь дурацкую ведёт.
– Интересно ж, коль подумать:
Как живут в краях тех люди?
Что у них там за собрания?
Как проводят заседания?
На повестку что выносят?
Кто, кого на них поносят?
Может, в планах обсужденья
Есть и трезвые мышленья?
На гулянках что поют,

Курят так же, морды бьют,
Надирают чупруны,
Не жалея седины?
Ты вчерась, Тарас, спьяна,
Вон, отца зашиб, меня.
Ты, как только самогона
Перекушаешь, с Самсоном
Бьётесь, кружитесь без смысла,
Пыль по дому коромыслом,
Сбиты лица, кулаки,
Как последни дураки.
Вы же умные робята,
С сединой уж, бородаты.
Как посмотришь – кислы лица,
А всего вам – только тридцать.
А что будет в сорок с гаком?..

Тут Тарас, смеясь над братом,
Хлопнул вдруг себя по ляжкам.
– Ну, чудило ты, Ивашка! –
И такие льёт слова –
Словно вяжет кружева.
Председателю всё можно:
Матом крыть и пить безбожно.

На него дурак глазеет,
То бледнеет, то краснеет.
Есть чему тут подивиться,
Есть чему тут поучиться.
Столь художественной Музе
Не обучат даже в ВУЗе.
Приезжайте к нам в Дрянцы,
Вот где слову кузнецы,
Этажи такие сложат,
Что из лиственя венцы.

Даже рот Самсон разинул –
Во, Тарас! Вот это двинул!
Уж на что он крыть мастак,
Да едва ли сможет так! –
Подготовить так доклад
Может только депутат:
Вдохновенно, искомётно,